

После тех самых пасхальных дней мама сказала папе, что все те дни ей трудно было жевать мацу и другую твердую, неразможенную пищу; родители пошли к доктору, и с этого визита в поликлинику все началось: врачи установили диагноз — рак пищевода. Тогда началось внедряться радиоактивное облучение раковых больных; папино начальство уважительно и сочувственно относилось к нему, оно сумело добиться разрешения моей маме пользоваться услугами закрытой поликлиники. На лечение мама ездила раз в несколько дней, но оно обессиливало ее и не помогло; время шло, мама явно слабела. Однажды, в выходной день тетя Саша позвала к себе маму (по папиной просьбе); папа пригласил нас троих сесть за стол; он был удручен, манжеты его рубашки были засучены, его сильные руки сжаты в кулаки, лежали на столе, голова наклонена, это плохой признак; меня впервые пригласили к серьезному разговору взрослых. Какое жуткое для меня совпадение: меня впервые признали взрослым, когда речь пошла о конце жизни мамы (даже сейчас это трудно воспринять).

Папа говорил размеренно, напряженно, в основном на идише, так ему легче было выразить оттенки мысли: после окончания курса лечения врач сказал, что мама безнадежно больна, незачем таскать ее по врачам, «дайте ей спокойно умереть». Молчание, довольно долгое. Я сидел рядом с Гришей, мое волнение он, видимо, принял за желание что-то сказать; он своим коленом придавил мою ногу и сжал губы как знак молчания, но я и не пытался говорить, слишком сильны были мои переживания. Папа не показал своего волнения, когда спазмы в горле прошли, он продолжил: доктор знает о чем он говорит, но мы не должны с этим смириться, надо сделать все, чтобы продлить мамину жизнь; если вскоре случится так, как сказал доктор, то наша семья в третий раз уже не поднимется; он сказал, что будет пытаться получить консультации светил медицинского мира того времени — профессора Кончаловского и профессора Юдина. Я впервые услышал эти фамилии.

182.

Последний месяц школьных каникул 1939 года я провёл в пионерском лагере; встретил меня Давид, мы поехали к нему на работу, в Фрунзенский райком комсомола, который находился в одном из переулков, примыкающих к улице Кропоткина; через несколько часов мы были на Кропоткинскую, в магазине «Цветы»

Давид купил букет темных астр и сказал мне: «Поторопись маме». Домой мы приехали на закате солнца, мама полусидела на диване, прикрыв ноги старым деревянным платком; за день мама намоталась по хозяйству и приехала, как обычно, отдохнуть, но за время обнаружившейся болезни мама уже стала «привалом», поэтому я не придавал значения факту, что после почти месячной разлуки мама встречает меня лежа. Произошедшее через М.Г.

183.

новения осознание = потрясение
навсегда запало в мою душу;

я подлетел к маме,
плюхнулся на край дивана,
цвела тыкла ей в плечо, при-
льнул к лицу и ощутил непривы-
чное — отрубевшую кожу, скулы;
мама, в свою очередь, ладонями
сжала мои уши, — приподняла
мою голову так, что наши гла-
за встретились, как никогда,
близко; за 26 дней моего отсут-

ствия (столько длилась смена в
пионерском лагере) мама, у
которой была изящная, невы-
сокая фигура, очень похуде-
ла, болезнь заметно ложилась
на её облик; в меня
смотрели уменьшившиеся, поте-
рявшие цвет и теплоту глаза,
я приковался к ним, смог только
сконцентрировать свой взгляд

184.

ный взгляд на левом ма-
минном глазе, тогда, на неподви-
жном зрачке; через него я улавли-
вал тонкую нить пронизательно-
го, тревожного, даже строгого, взгля-
да, идущего из непостижимых

глубин, которые ма-
ма, очевидно, ^{уже} ощущала в себе; у
неё начали проявляться другие по-
нимания контактов с близкими;
она часто молчала; уходя из живого
мира, мама, опять же очевидно,

хотела что-то оставить в себе; я
пытался до конца понять содержа-
ние её многосложного взгляда,
напряжённо вглядываясь в зра-
чок; а что она увидела в моих гла-
зах? Возле переносицы, в углуби-

вшихся ямках от вставших глаз
появились лужицы слёз, я под-
тянул платок с маминных ног, про-
мокнул им маминны слёзы и хотел,
было, сказать, чтобы она не

плакала, всё будет хорошо, но я не мог
сказать: хорошо уже не будет; выступили

185.
новые слёзы, ни
один мускул маминого лица
не дрогнул, она плакала мол-
ча и продолжала смотреть в
мои глаза. Так плачут в состоя-
нии наивысшего душевного и
нервного напряжения. Мама
прощалась со мной.

2/2

2. Через сложившееся знаком-
ство в медицинском мире папа по-
лучил согласие профессоров на кон-
сультации, но, подержав, то-
лько в сентябре. Тяжёлое впе-
чатление от рассказанной вам
встречи с мамой не увязыва-
лось в моей душе с возникшей
в семье некоторой на-
деждой после согласия про-
фессоров; объяснить настроение
семьи можно только тайным
желанием благотворного зду-
да и исторически традицион-
ной верой в особую всевоз-
можность человека высшего
звания, титула, долж-
ности. Между тем, мама слабе-

ла, возникла проблема
срочной медицинской по-
мощи на дому, особенно но-
зью: телефон-автомат нахо-
дился далеко, да не было убе-
ренности в том, что телефон-
ная трубка цела; добав-
лялось и другое: наш новый
многоквартирный дом
построили в низинке, куда
стекала дождевая вода, поэ-
тому нижние ступень-
ки крыльца заливало, жи-
вам приходилось прыгать по
камням и ящичкам. Но профес-
соры прыгать не станут, при-
ближался осенний (и много-
значительный стозки зрения
истории) — конец авгу-
ста — сентябрь; все ме-
дицинско-бытовые неувязки реши-
лись предложением дяди
Фимы и тети Лиц переехать
маме к ним на какое-то
время.